

ским стихам Рильке, которые также являются частью его любви к России.

Конечно, тот, кто уже знает и любит Рильке, и в этих стихах, написанных поэтом на русском языке, почувствует обаяние его таланта. Но если Рильке, как можно судить по всему, отлично понимал русский язык, то его активное владение языком оставляло желать многого. Его русские стихи опять-таки годились бы в полном собрании сочинений, но для первого знакомства их можно было бы дать поменьше, а то и вовсе опустить, предпочтя им еще одно-два письма, которые всегда у Рильке являются равноправной формой литературного творчества, или еще несколько переводных стихотворений, или, исходя из мозаичного характера книги, какой-нибудь существенный для понимания эстетики Рильке отрывок из романа «Записки Мальте Лауридса Бригге».

Зато бесспорный интерес представляют его «Письма к молодому поэту», отобранные и переведенные Мариной Цветаевой. Здесь каждое слово выношено, выстрадано и по-профессиональному конкретно. А если эти мысли порою чужды нашим представлениям, нашему интеллектуальному строю, все равно как авторская исповедь они очень значительны и, вероятно, могут служить ключом не только к творчеству Рильке, но, до известной степени, и к творчеству самой Цветаевой.

В заключение необходимо хотя бы коротко поговорить о переводах, и прежде всего о переводах стихов.

Очень редко великий поэт или даже просто большой поэт является на другом языке сразу во всем своем величии. Чаще этому предшествует работа нескольких поколений переводчиков, и тогда устанавливается известная традиция перевода, которую вновь пришедшие могут сколько угодно ломать или варьировать. А иногда на языке переводчика возникает собственная поэтическая школа, близкая переводимому поэту, и это тоже облегчает воссоздание оригинала на чужом языке.

Опыт, накопленный предыдущими переводчиками Рильке, дает нам основания полагать, что у нас настало время осуществить полноценные его переводы. Своеобразие поэтики Рильке ставит иногда перед его

переводчиком непреодолимый языковой барьер. Тем выше надо расценивать работу К. Богатырева и В. Микушевича, которая хотя и не всегда передает поэтическую «пронзительность» оригинала, является все же решительным шагом вперед и широко раскрывает двери будущим интерпретаторам поэзии Рильке.

На высоком уровне выполнены, если говорить в целом, и переводы прозы. Очень часто, когда литераторы переводят статьи о живописи, сразу чувствуется, что писал не специалист, не художник. Здесь, ни в письмах о Сезанне (переводчик Г. Ратгауз), ни в других статьях и письмах этот дефект не ощущается.

И наконец несколько слов об аппарате книги. Большим недостатком, как уже говорилось выше, является полное отсутствие репродукций: для книги, выпущенной издательством «Искусство», это вдвойне странно.

Не приходят читателю на помощь и авторы сопроводительных статей. Вступительная статья И. Д. Рожанского дает ясное представление о жизненном и литературном пути Рильке. Но книга-то посвящена не столько Рильке — поэту или прозаику, сколько Рильке — художественному критику. А об эволюции его взглядов на изобразительное искусство, о месте их во всей его эстетической системе нет ни единого слова. Очень интересна для нашего читателя статья К. Азадовского и Л. Черткова «Русские встречи Рильке». Безусловно, украшает книгу и рассказ о встречах с Рильке художника Леонида Пастернака. Нельзя не назвать содержательной и своеобразной статью В. Микушевича «Жалобное небо», в которой рассматриваются отдельные стороны творчества Рильке; жаль только, что свои мысли он иногда постулирует, пренебрегая доказательствами или хотя бы развернутым изложением.

Завершая рецензию, следует все же сказать, что этот сборник, несмотря на известную фрагментарность, чрезвычайно интересен. И теперь читатель с нетерпением ждет еще одной книги — книги стихов, где Рильке предстал бы перед нами во весь свой поэтический рост.

В. ЛЕВИК

ХРУПКОЕ МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Памела Хенсфорд Джонсон.
Решающее лето. Перевод с английского
Татьяны Шинкарь. Послесловие
П. Балашова. Москва, «Прогресс»,
1970. 431 стр.

Литературный дебют Памелы Хенсфорд Джонсон, состоявшийся в 1935 году, немало шокировал благопристойных обывателей из «среднего класса». Заимствованное из стихотворения английского поэта XVII века Джона Донна

название ее первого романа звучало и впрямь декларативно: «Постель эта — твоё средоточие». Впрочем, не стоило понимать его буквально: речь шла о девушке, испытавшей первое чувство страстной любви и отстаивавшей свое право на счастье.

Дебют молодой романистки увенчался успехом с оттенком сенсации. За первым романом последовали другие. Постепенно П. Хенсфорд Джонсон нащупала свою излюбленную тему: внутренний мир и личные взаимоотношения людей того самого «среднего класса», против которого бунтовала ее первая героиня и из которого вышла сама писательница.

Наше знакомство с творчеством талантливой английской романистки началось с перевода ее романа «Кристина» в 1963 году. Потом один из ее позднейших романов «Ночь... Молчание... Кто там?» был опубликован журналом «Нева» (№№ 6—7, 1968). «Решающее лето» — третий роман писательницы, выходящий на русском языке. Он был написан в 1948 году и явился завершающей частью трилогии (первой и второй частями ее были романы «Слишком дорого для меня» и «Каменная авеню»), рисующей жизнь одной буржуазной семьи на протяжении последней четверти века. Заметим, что каждая из частей трилогии, объединяемых общими персонажами, обладает внутренней завершенностью и, следовательно, может рассматриваться как цельное, самостоятельное произведение.

Действие романа «Решающее лето» разворачивается в первый послевоенный год Англии, когда руины и пустыри на улицах Лондона еще служат живым напоминанием о недавней войне. Молодость героя-рассказчика (роман написан от первого лица) Клода Пикеринга осталась позади; позади — первая юношеская любовь, унылый, безрадостный брак, дружеская привязанность к Хелене — второй жене отца, женщине сильной воли и большого духовного богатства. В настоящем — необременительная работа в частной картинной галерее и чувство теплоты, почти отеческой заботы к сводной се-

стре Чармиан — дочери Хелены. Когда-то их тесно связало острое ощущение неблагодарности в семье; теперь общность душ помогает переносить выпадающие на их долю удары судьбы.

Не удовлетворен жизнью Клод, человек, по собственному признанию, «некогда что-то делавший, кем-то бывший, но так и не ставший ничем», человек талантливый, тонко чувствующий искусство, написавший пять книг о живописи — и не нашедший подлинного жизненного призвания, однажды глубоко любивший, но не испытавший житейского счастья. Не повезло и Чармиан. Ее муж Эван Шолто, женившийся на ней по расчету, не только открыто изменяет ей, но и не гнушается сомнительными, а то и явно незаконными сделками. Чувство супружеского долга, страх, что их маленькая дочь останется без отца, заставляют Чармиан безропотно выполнять опостылевшие обязанности жены и хозяйки дома. Она готова нести свой крест до конца — даже после того, как Эвана, вместе с его сообщником Джонни Филдом, ловят с поличным при продаже краденых автомашин и осуждают на трехлетнее тюремное заключение.

Параллельно с историей Чармиан перед читателем развивается еще одна жизненная драма: любящая Клода Элен Эштон терзается горьким сознанием вины (она уверена, что в юности послужила невольной причиной гибели своего мужа — военного летчика). Элен так же не уверена в себе, так же боится новой привязанности, как нерешителен и не уверен в себе Клод, считающий, что все лучшее в его жизни осталось позади. И лишь после долгих, мучительных колебаний, сомнений героям удастся соединиться узами счастливого супружества.

Такова глубокоинтимная, камерная драма, которая разыгрывается в обстановке послевоенного Лондона. Было бы преувеличением утверждать, что автор полностью изолирует своих героев от больших вопросов и проблем эпохи. Время вторгается в роман в виде случайно брошенных реплик о трудностях с продовольствием, о военной истерии в США, об очередных выборах. У персонажей есть определенные политические симпатии и антипатии; однако их интерес к политике не идет дальше традиционного разговора в кругу друзей. Писательнице нельзя отказать в знании духовного мира персонажей, умении передать сложную диалектику любовного чувства; однако нельзя не видеть и того, что «Решающее лето» — характерный образец столь популярного в послевоенной английской литературе романа «малой темы».

Судить о произведении следует по законам жанра, в котором оно создано; поэтому надо оценить по достоинству искусство романистки в воспроизведении эмоционально-психологической жизни ее героев. Восемь романов, отделяющих «Решающее лето» от раннего литературного дебюта писательницы

цы, стали для нее школой мастерства. Трилогия — одно из высших достижений ее творчества. Почерк автора трилогии — почерк осознавшего себя мастера, критически воспринявшего опыт многих больших европейских писателей.

...Роман подходит к концу. Клоду удастся, наконец, преодолеть свою неуверенность, а влюбленной в него Элен — победить в себе призраки прошлого. На предпоследней странице книги она говорит ему: «Это была маленькая скромная свадьба, правда? Но ведь это наш скромный маленький мир».

Последняя точка над «i» поставлена. Роман утверждает право человека на «скромный маленький мир», скромное маленькое счастье.

Это маленькое, локальное счастье, быть может, и заслужено героями. Но, закрывая книгу, трудно отделаться от мысли о хрупкости этого счастья — особенно если вспомнить о гигантских катаклизмах, сотрясающих в последние десятилетия даже те страны западного мира, которые издавна считались цитаделями его могущества.

НИКОЛАИ ПАЛЬЦЕВ

*Издано
за рубежом*

ПЕРВЫЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ПОЭТ СЛОВАКИИ

Ján Poničan. *Boje a láska*. Bratislava, Slovenský spisovateľ. 1970.

 Братиславе вышел в свет том избранных поэтических произведений Яна Поничана (род. в 1902 году) — одного из зачинателей словацкой пролетарской литературы. В этом томе, названном «Сраженья и любовь», представлены стихотворения из всех основных сборников Поничана, его поэмы «Странный Янко» и «Восстание», а также некоторые произведения, ранее не публиковавшиеся. Составил том и снабдил его послесловием известный словацкий критик Михал Хорват, библиографический аппарат подготовил Либор Кнезек, чья неутомимая работа в этой области хорошо знакома всем, кто занимается словацкой революционной поэзией.

Пролетарская литература в Словакии возникла в начале 20-х годов, и первой книгой, знаменовавшей ее рождение, был сбор-

ник стихов Я. Поничана (1923) с необычно длинным названием-девизом:

«Я существую, думаю, чувствую и вижу,
все люблю, лишь тьму ненавижу».

В тогдашних литературных кругах Словакии, отличавшихся известной патриархальностью и консерватизмом, появление этого сборника было воспринято как дерзкий вызов, как своего рода скаandal. Многие крупные словацкие поэты воспевали создание чехословацкого буржуазного государства, а юный поэт посягнул на все и вся, он провозгласил «новое божество» — трудящегося человека, превыше всего восславил «свою возлюбленную» — революцию.

Новое направление в литературе Словакии формировалось под непосредственным воздействием чешской революционной литературы. Многие молодые словацкие литераторы, в том числе и Поничан, в то время учились в Праге, были близки с революционным чешским студенчеством. В своем первом сборнике Поничан сознательно стремился выступить поэтическим соратником С. К. Неймана, И. Волькера, И. Горы. И все же совершенно прав был словацкий критик-марксист Э. Уркс, в противовес официальному мнению приветствовавший дебют Поничана, когда писал: «Опыты пролетарской поэзии в словацкой литературе не являются подражанием или прямым копированием пролетарской поэзии чешской, ибо таких стихов, какие пишет Ян Поничан, в молодой чешской поэзии не найти»¹.

Особенности словацкой действительности, где велика была сила церкви и патриархальных устоев, обусловили то, что главным объектом бунтарских выпадов молодого поэта стали ханжество и религиозный дурман, рабская покорность господам и традициям. Обличительный порыв в первой книге Я. Поничана еще не всегда имел четкое социальное осмысление, но он был направлен против всего косного и застывшего, начиная с церковных обрядов и мещанской морали и кончая традиционными формами стиха, которые он безжалостно разбивал и отбрасывал. Поничан ощущал себя в поэзии посланцем нищей и мятежной словацкой бедноты, он звал бороться за счастье всего трудового люда, утверждая с молодым задором:

Не мечтать хотим мы,
а —
жить.

(«Уничтожьте мечту»)

Вместе с В. Клементистом, Д. Окали, Э. Урксом, Л. Новомеским, П. Илемницким Я. Поничан основал в 1924 году объединение словацких пролетарских писателей «Дав» («Масса»). Революционное крыло словацкой литературы, возглавляемое «Давом», во второй половине 20-х годов превратилось в авторитетную силу национального культурного развития. В области поэзии эту новую стадию словацкой пролетар-

¹ Edo Urk. *Básnik v zástupe*. Bratislava, 1961, str. 77.